

Луи Буссенар

ГВИАНСКИЕ РОБИНЗОНЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Б 92

Louis Bousсенard
LES ROBINSONS DE LA GUYANE

Перевод с французского Алексея Луцанова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

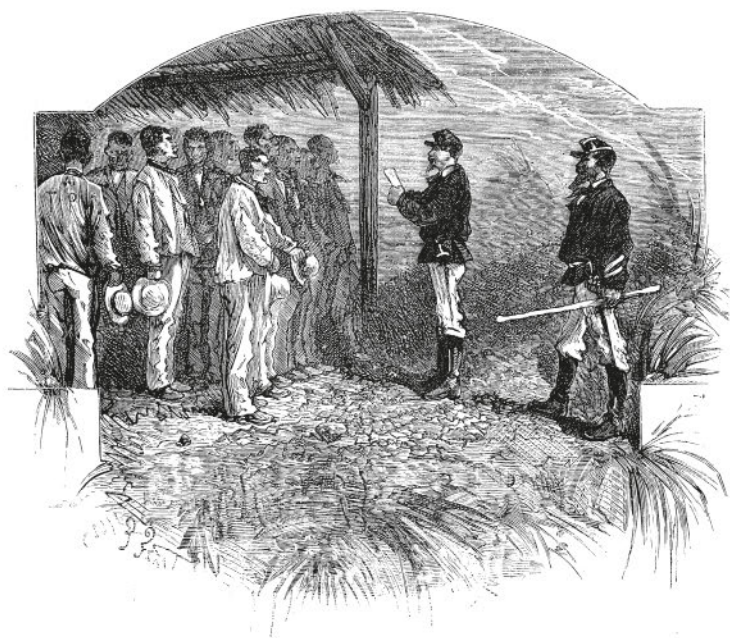
Оформление обложки Егора Саламашенко

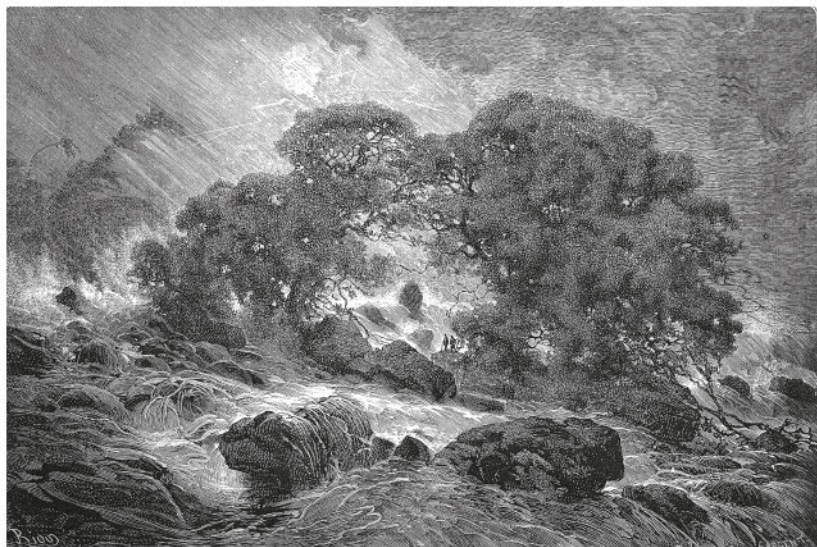
Иллюстрации Ораса Каstellи и Жюля Фера

ISBN 978-5-389-24450-4

© А. А. Луцанов, перевод, 2024
© Е. В. Тrepетова, статья, примечания, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
БЕЛЫЙ ТИГР

ГЛАВА I

*Буря у экватора. — Переключка каторжников. —
Излишнее рвение. — К оружию! — Побег. —
Голод — не тетка. — Охотники на людей. — Не все каторжники
одинаковы. — Собаки каторги и свободные псы. —
Ночь в девственном лесу. — Добыча и тень. —
Тигр пятнистый и тигр белый. — Неудачный выстрел,
но превосходный сабельный удар. — Месть благородного сердца. —
Прощение. — Свободен!..*

Исполинские деревья экваториального леса гнулись под порывами ураганного ветра. Яростно громыхал гром. Его раскаты, то приглушенные, то резкие, краткие и длительные, сухие и трескучие, порой причудливые, но всегда жуткие, сливались в единую и бесконечную грохочущую симфонию.

С севера на юг и с востока на запад, на сколько хватало глаз, над верхушками деревьев протянулась громадная черная туча, окаймленная злоещей красноватой полосой. Словно из кратера перевернутого вулкана, из нее сыпались ослепительные молнии всех цветов и форм, сплетаясь в колоссальный фейерверк.

Тяжелые испарения, поднятые беспощадным солнцем со дна бесконечных болот и из глубин непролазных чащоб, превращались в настоящие смерчи. То, что в Европе называют струями дождя, здесь напоминало сплошные потоки расплавленного металла, с мелькающими сквозь них проблесками молний.

Листья летели наземь, словно сносимые лавиной градин или, еще точнее, под натиском струй из миллионов брандспойтов.

Время от времени огромное акажу, гордость девственного леса, валилось на землю как подкошенное; зеленый эбен высотой больше сорока метров и прочный, как рельс, раскачивался из стороны в сторону подобно тростинке; столетний гвианский кедр толщиной в четыре обхвата разлетался в щепки, будто сосновое полено. Другие деревья — симаруба, боко, анжелик, — чьи верхушки касались туч, пали первыми.

Эти гиганты, намертво связанные друг с другом сетью лиан и густо оплетенные цветущими орхидеями, бромелиевыми и ароидными, сначала дрожали, а затем обрушивались все разом, словно от одного удара. Тысячи красных лепестков, похожие на брызги крови, пролитой поверженными лесными великанами, усеивали траву.

Смолкли обезумевшие от страха лесные животные и птицы. Был слышен лишь оглушительный рев урагана, достигавший вершинами невероятной мощи.

Эта грозная симфония природы, сочиненная демоном бурь и исполняемая хором титанов, бушевала над необъятной долиной Марони — большой реки во Французской Гвиане.

Ночь наступила мгновенно, с особенной стремительностью, обычной для экваториальных областей, где не бывает ни сумерек, ни утренней зари.

И тот, кто еще не привык к этим грозным буйствам тропической природы, был бы весьма удивлен при виде сотни мужчин всех возрастов и разных национальностей, которые выстроились в четыре шеренги под большим навесом, молчаливые, бесстрастные, со шляпами в руках.

Крыша навеса из листьев пальмы ваи грозила ежеминутно сорваться и улететь прочь. Столбы из дерева гриньон шатались от порывов ветра; четыре фонаря, висящие по углам, были готовы погаснуть в любую секунду.

Но лица людей — арабов, индейцев, негров, европейцев — несли на себе печать мрачного безразличия.

Все были босиком, одеты в штаны и блузы из грубой серой ткани. На спинах — большие черные буквы И. и К.¹, разделенные якорем.

Между рядами каторжников медленно прохаживался мужчина среднего роста с невероятно широкими плечами и грубым лицом, разделенным надвое пышными каштановыми усами с длинными нафабранными кончиками. Взгляд его серо-голубых глаз ни на чем не задерживался, но ничего не упускал из виду, придавая лицу незнакомца особое выражение хитрости и двоедушия, вызывающее смутную тревогу у всякого, кто с ним сталкивался.

Отложной ворот и обшлага его темно-синего форменного сюртука были обшиты серебряными галунами. На портупее висела короткая сабля, бившая его по икрам, за поясом — седельный пистолет. В руке мужчина сжимал крепкую дубинку, время от времени с довольным видом продельвая ею нечто вроде фехтовального мулине, и точность жестов выдавала в нем искушенного мастера боя на палках.

Щеголя козырьком кепи из той же ткани, что и мундир, он пристально озирал с головы до пят каждого из тех, кто стоял в шеренгах и отзывался, услышав свое имя.

Переключку проводил человек, стоявший перед первой шеренгой, одетый в такую же униформу, но совершенно непохожий на своего коллегу.

Он был высок и худ, но хорошо сложен, с приятным лицом. Важная деталь: у него не было дубинки. Вместо нее он держал в руках маленький блокнот, где были записаны имена.

Он выкрикивал их во весь голос, часто делая паузы, так оглушительен был вой урагана.

— Абдалла!

— Здесь!

— Минграссами!

— Здесь!.. — хрипло ответил индус, дрожавший всем телом, не смотря на удушающую жару.

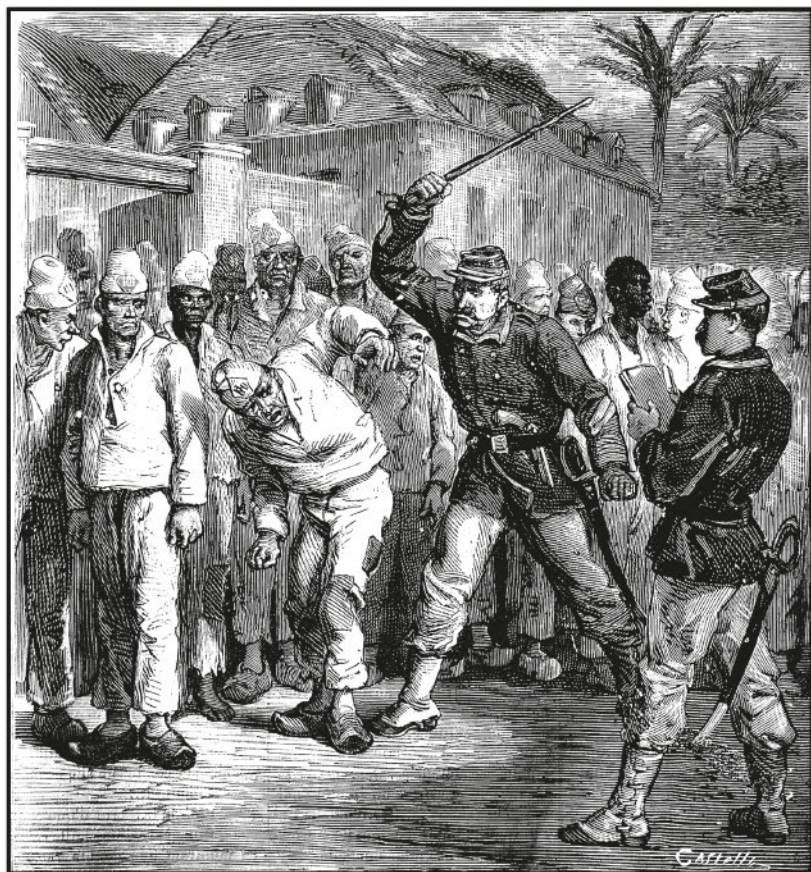
— О, еще один затрясся как припадочный! — пробурчал мужчина с нафабранными усами. — Симулирует лихорадку. Погоди немного, красавчик... Моя дубинка заставит тебя сплясать тарантеллу!

— Симонен!

— Здесь! — отозвался слабым голосом европеец с бледным лицом и впалыми щеками, едва стоявший на ногах.

— Громче надо отвечать, скотина!

¹ Исправительная колония (фр. С. Р. — colonie pénitencière).

На плечо бедняги с глухим звуком обрушилась дубинка. Согнувшись, он испустил крик боли.

— Ну вот!.. Я знал, что верну ему голос. Ишь орет, как красная обезьяна.

— Ромюлюс!

— Здесь! — гаркнул оглушительным голосом громадного роста негр, показав два ряда зубов, которым позавидовал бы даже крокодил.

— Робен!..

Нет ответа.

— Робен! — повторил тот, кто вел переключку.

— Да отвечай же, мерзавец! — заорал обладатель дубинки.

Ни звука. Только чуть слышный шепот пробежал по рядам каторжников.

— Молчать!.. Собачье отродье... Первому, кто сдвинется с места или вякнет хоть слово, я всажу пулю в рожу, — закончил он, выхватив пистолет.

На несколько секунд наступила тишина, раскаты грома тоже затихли.

И вдруг раздались отдаленные крики:

— К оружию!.. К оружию!

Прогредел выстрел.

— Тысяча чертей и чертова бабушка! Вот это переплет! Робен, конечно, сбежал, а ведь он политический. Провалиться мне на этом месте, если я не получу за это три месяца гауптвахты.

«Сосланного» Робена пришлось отметить как отсутствующего, и переключка закончилась без дальнейших проволочек.

Мы использовали термин «сосланный», а не «высланный»; первым обозначают людей, осужденных по политическим делам, второй предназначен для тех, кто совершил уголовные преступления. Вот, собственно, единственная и чисто номинальная разница между этими людьми, установленная теми, кто отправил их в этот ад, и принятая среди тех, кто их охраняет. Все остальное было совершенно одинаковым: каторжный труд, пища, одежда и условия содержания. И сосланные, и высланные, смешавшиеся в жуткой тесноте, всего получали поровну, вплоть до щедрых ударов дубинки надзирателя Бенуа, имя которого, как мы уже убедились, ни в коей мере не соответствовало его нраву.

Как уже было сказано, мы находимся во Французской Гвиане, на правом берегу реки Марони, отделяющей наши владения от Гвианы Голландской.

Исправительная колония, где прямо сейчас, в феврале 185... года, разворачивается пролог драмы, которая будет происходить у нас на глазах, называется Сен-Лоран. Это совсем новое учреждение, филиал кайеннской колонии. Каторжников здесь пока немного, человек пятьсот, не больше. Местность очень нездоровая, свирепствует болотная лихорадка, работа по расчистке леса невыносимо изнурительна.

Надзиратель Бенуа — так теперь называется должность прежних надсмотрщиков европейских каторг — сопровождал вверенный ему отряд в барак. Ретивый тюремщик сник — ни дать ни взять лис,

угодивший в западню. Дубинка больше не выписывала вензеля в его мощной руке. Вымокшие под ливнем усы печально повисли, а козырек фуражки уже не торчал под молодцеватым наклоном в сорок пять градусов.

Дело в том, что беглец был «политический», а значит, человек очень умный, энергичный и способный на поступок. Побег такого заключенного мог стать катастрофой для стража, коему государство его доверило. Если бы это был обычный убийца или простой фальшивомонетчик, Бенуа думал бы о нем не больше, чем о глотке тростниковой водки.

Зато каторжники были почти счастливы из-за происшествия, что так обескуражило их охранника. Они едва могли скрыть свою радость, невольно отражавшуюся во взглядах, — единственную, впрочем, возможность хоть как-то протестовать против жестоких выпадов чересчур ревностного служаки.

Люди наконец вытянулись в своих гамаках, подвешенных на двух балках, и скоро заснули тем глубоким и крепким сном, которому, при отсутствии чистой совести, способствует изнурительный каторжный труд.

Бенуа же, еще более растерянный, не обращая ни малейшего внимания на проливной дождь и раскаты грома, отправился доложить о переключке коменданту исправительной колонии.

Тот, разумеется, уже был оповещен о происшествии ружейным выстрелом и криками часового и спокойно предпринимал меры, которые считал необходимыми для начала розыска.

Не то чтобы он надеялся найти беглеца, но таковы были правила. Комендант скорее рассчитывал на голод, этого беспощадного врага каждого одинокого человека в бесконечном тропическом лесу. В самом деле, побеги случались довольно часто, но голод неизменно приводил назад всех, кого увлекла безумная надежда обрести свободу.

И можно сказать, здорово повезло тем, кто помучился лишь от корчей желудка, сумев избежать зубов рептилий, когтей хищников и смертельных укусов ядовитых насекомых.

Впрочем, когда начальник узнал имя беглеца, чья энергия и сила воли были ему хорошо известны, его уверенность значительно колебалась.

— Он не вернется, — пробормотал комендант. — Это человек конченый.

— Господин комендант, — обратился к нему Бенуа, надеясь, что немного усердия сможет избавить его от справедливого наказа-

ния, — я доставлю его вам живым или мертвым... Доверьте это дело мне. От меня он не уйдет.

— Мертвым — это уже слишком... Вам ясно? — сухо оборвал его комендант, человек вполне справедливый, жесткий, но все же умеющий сочетать ужасные обязанности с некоторой гуманностью. — Я уже не раз был вынужден обуздывать ваши зверства. Самоуправство у нас категорически запрещено... вы знаете, что я имею в виду. Предупреждаю вас в последний раз. Итак, постарайтесь вернуть беглеца, если желаете избежать дисциплинарной комиссии, отделавшись неделей ареста, которая ждет вас по возвращении. Ступайте!

Надзиратель резко козырнул и вышел, изрыгая по дороге потоки ругательств, от которых и без того багровое небо, казалось, покраснело еще сильнее.

— О да, я приведу эту сволочь! Ну и дурак же я был: «живым или мертвым»!.. Живым, конечно же, он нужен мне живым! Пуля в бочину — это слишком легкая смерть для такого паскуды. Нет уж, я хочу еще не раз и не два пройтись дубинкой по его спине... И клянусь дьяволом, от нее-то он и издохнет! Но вперед, в путь!

Он вернулся в хижину, где вместе с ним жили еще несколько надзирателей, собрал в ранец кое-какую провизию, взял компас, вооружился мачете, перекинул через плечо охотничье ружье и приготовился выступить.

Только что пробило семь часов вечера. Бегство Робена было обнаружено три четверти часа назад.

Бенуа был старшим надзирателем, начальником смены. Он решил взять с собой еще троих подчиненных, которые беспрекословно собрались в дорогу.

— Послушай, Бенуа, — сказал один из тех, кто оставался, тот самый, что проводил вместе с ним перекличку, — ты же не собираешься выходить прямо сейчас и в такую погоду. Дождись хотя бы, пока закончится ураган. Робен не мог уйти далеко, а завтра...

— Я буду делать так, как считаю нужным! Я здесь команду и не спрашиваю твоего мнения, — грубо оборвал его тот. — Кроме того, этот мерзавец постарается переплыть Марони, чтобы укрыться у индейцев из племени араваков или галиби. Он пойдет вдоль берега. Я хочу схватить его до того, как он успеет построить плот. Черт подери! Я разгадал его план. Он так же глуп, как и все остальные. К тому же позавчера я видел нескольких грязных краснокожих, которые рыскали возле северной засеки... Так что, голубчи-

ки, вас ждет сюрприз! Что скажешь, Фаго, покажем им, почему фунт лиха?

Услышав свое имя, Фаго, пес породы барбет весьма злобного вида, со взъерошенной шерстью, короткими крепкими лапами и умным взглядом, вылез, потягиваясь, из-под грубо оструганного стола.

«Фаго» на тюремном жаргоне означает «каторжник». Бенуа решил, что будет остроумно дать такую кличку собаке, которая, ежедневно находясь среди ссыльных, вполне разделяла ненависть к ним своего хозяина.

Существует довольно оригинальный, но, впрочем, легко объяснимый феномен: псы, принадлежащие каторжанам, просто ненавидят своих братьев, которыми владеют свободные люди, и всегда готовы встретить их особенно злобным лаем — так уж их воспитали хозяева. Сравните их с умнейшими индейскими собаками, с ушами торчком, тонкими длинными мордами, живым взглядом и безошибочным нюхом, способным отличить по запаху свободного белого или черного человека.

Подобным же образом собаки стражников способны обнаружить каторжника на невероятной дистанции и выдать его местоположение своим хозяевам оглушительно визгливым лаем.

Более того, когда эти животные, принадлежащие к одному роду, встречаются, им не требуется много времени, чтобы разобраться, кто есть кто. Без малейших прелюдий, обычных для представителей семейства псовых, они бросаются друг на друга, точнее, свободный пес яростно атакует противника, едва его завидев. Последний, с поджатым хвостом пробирающийся в зарослях и опасно крадущийся между хижинами, подражая повадкам своего хозяина, оборачивается, начинается ужасная драка, и не всегда напавший выходит из нее победителем.

Бенуа прослужил в Гвиане довольно долго, неплохо знал здешние края и стал отличным следопытом. С помощью своего четвероногого спутника он мог бы соперничать с лучшими растреадорами Ла-Платы.

Надзиратель привел Фаго в барак, снял с крючьев гамак беглеца и дал собаке как следует обнюхать его, прищелкивая при этом языком, как это принято у охотников:

— Ищи, Фаго! Ищи... Давай, песик, ко мне!..

Пес обнюхал ткань, глубоко вдохнул воздух, завилял хвостом и твякнул, будто говоря: «Я все понял, хозяин!», а затем бросился наружу.

— Мерзкая погода, как раз для побега, — пробурчал один из охранников, промокший до нитки под проливным дождем, не успев пройти и десяти метров, — черта с два мы сможем найти этого поганца.

— Точно, — добавил другой, — того и гляди наступишь на проклятого гража или завязнешь в зыбучей саванне.

— В такую бурю даже его пес ничего не учует, — сказал третий. — Дождь давно уже смыл все следы и запахи вместе с ними. Удачно Робен выбрал время, лучше не придумаешь.

— Эй, вы там, а ну вперед! Слышите? Мы тут не в игрушки играем. Минут через двадцать ураган стихнет, покажется луна и все будет видно как днем. Пойдем вдоль берега Марони, авось нам повезет.

Четверо мужчин с собакой впереди, выстроившись вереницей как индейцы, бесшумно двинулись по едва заметной тропинке среди зарослей, ведущей к речному берегу.

Охота на человека началась.

Пока каторжники строились на переключку, часовой на посту у лагерных построек явственно разглядел при вспышке молнии, что один из них покинул строй и бросился бежать со всех ног.

Ошибиться было невозможно. На беглеце была темная арестантская роба. Солдат не колебался ни секунды, тем более что требования инструкции были совершенно категоричны. Он мгновенно прицелился и выстрелил, даже не подав команду «Стой! Кто идет?».

Но, несмотря на непрерывные сполохи молний, при которых хорошо было видно фигуру беглеца, часовой самым естественным образом промахнулся.

Каторжник услышал свист пули, надал и скрылся в зарослях. Он исчез из виду в тот самый момент, когда охрану лагеря подняли по тревоге.

Не обращая ни малейшего внимания на дождь, ветер и молнии, он углубился в чащу с уверенностью человека, знакомого здесь с каждой кочкой. Благодаря вспышкам молний он отлично ориентировался и взял влево, оставив колонию за спиной, а реку, таким образом, справа.

Беглец следовал по едва заметной тропинке, обнаруженной им прежде в густых зарослях. После получаса быстрой ходьбы он очутился на обширной вырубке, усеянной стволами деревьев, сваленных человеком и уже частично распиленных.

Это была одна из лесоразработок, где трудились каторжники. В нескольких шагах от расчищенного пространства торчал громадный пенёк, примерно метр высотой, оставленный, по обыкновению, гвианскими первопроходцами.

Беглец остановился у пня и принялся что-то на ощупь искать у его подножия. Гроза заканчивалась, молнии вспыхивали все реже, и каторжник уже не мог разглядеть нужную ему приметку.

— Это, должно быть, здесь, — тихо произнес он, подняв с земли обломанную ветку в виде рогатины, будто бы брошенную здесь ненароком, и принялся быстро ковырять землю у подножия пня. Земля была податливой, рыхлой, словно ее недавно копали. Концы рогатины, твердые как железо, вскоре наткнулись на какой-то предмет, издавший металлический звук.

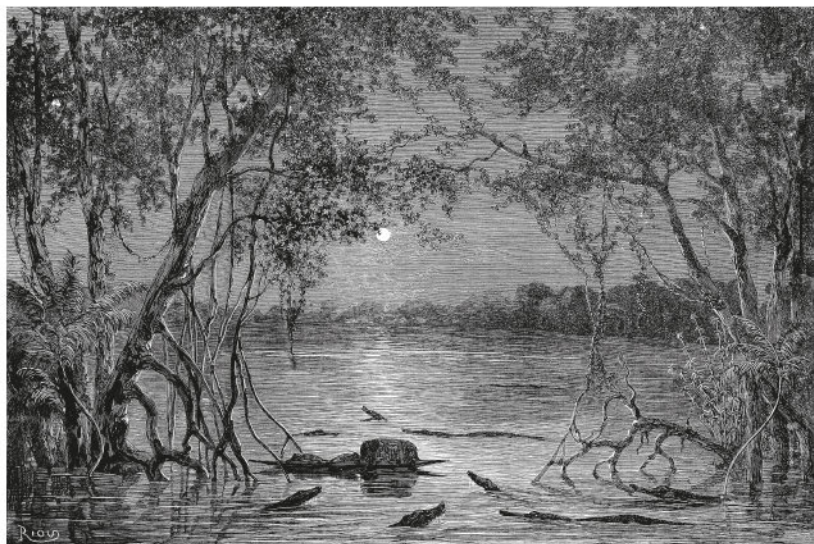
Незнакомец без усилий вытащил из ямы жестяной короб, вроде тех, в каких хранят корабельные сухари, примерно сорока сантиметров в длину, ширину и высоту.

Короб несколько раз опоясывала длинная гибкая лиана, с одной стороны из нее же были устроены петли, похожие на лямки армейского ранца. Человек продел в них руки, взвалил короб на спину, вынул из тайника мачете с коротким, слегка изогнутым клинком и деревянной рукоятью, обмотанной латунной проволокой, взял в левую руку рогатину и, опустившись на землю, прислонился на несколько минут к огромному пню.

Но вот его высокая фигура гордо выпрямилась.

— Наконец я свободен, — сказал он. — Свободен, как дикие звери, среди которых мне предстоит отныне жить. Мне, как и им, принадлежит теперь этот бескрайний лес с его безлюдными чащобами! Пусть меня задушит удав, разорвет тигр, сожжет солнце, сгложет лихорадка или убьет голод. Лучше такая смерть, чем жизнь на каторге. Ад и здесь, и там, но тут, по крайней мере, я умру свободным человеком! И пусть только попробуют отнять у меня этот клочок свободы! — закончил он с неопишуемой силой неукротимой энергии.

Старший надзиратель не ошибся в своих предсказаниях относительно грозы. Буйство экваториальной природы чудовищно, но кратковременно. Не прошло и получаса, как тучи рассеялись. Луна медленно выплыла из-за темной завесы прибрежных кустарников, засияв неизвестным в европейских широтах блеском, отразившимся в еще беспокойных водах реки и каплях дождя на листьях деревьев. То здесь, то там нежнейшие голубоватые лучи лунного света проникали сквозь густой свод листвы, скользя меж гигантских

стволов, вздымающихся из непролазной мешанины цветов и листьев подобно бесконечной колоннаде собора.

Беглец не был глух к красоте умиротворенной природы, но время было не на его стороне. Чтобы завершить задуманное, ему следовало бежать как можно быстрее, оторвавшись от преследователей на безопасное расстояние.

Он резко вывел себя из состояния молчаливого созерцания, последовавшего за его страстным монологом, выбрал новое направление и пустился в путь.

С тех пор как Робен стал заключенным каторги на Марони, он видел немало побегов. И ни один из них не удался. Те, кто попытался сбежать, либо были пойманы стражниками, либо выданы голландскими властями, либо погибли от голода. Некоторые, предпочтя каторжный режим столь страшной развязке своей рискованной затее, возвращались сами, изнемогая от непомерных лишений, и снова становились пленниками.

Они отлично знали, что военный трибунал добавит им за побег от двух до пяти лет в двойных кандалах, но что за печаль! Они все же возвращались, так велика у человека жажда жизни, сколь бы убогой эта жизнь ни была.

Не таков был наш герой. Несколько лет назад он уже поставил на кон свою жизнь, без колебаний посвятив ее торжеству идеи;

смерть не страшила его. Он будет тщательно избегать встречи с голландцами. Это просто — ему всего лишь надо оставаться на правом берегу реки. Ему плавать на голод. Атлетическое сложение и некротимая энергия позволят ему продержаться довольно долго. А если он все же не выдержит... Что ж, он будет не первым, чей скелет, обглоданный муравьями-листорезами до гладкости анатомического пособия, найдут в здешней глуши.

Но впрочем, он не собирался умирать. Нет, он был мужем и отцом, этот храбрец, не сломленный тяжелейшим каторжным трудом, не укрошенный невзгодами и не склонивший головы ни перед одним тюремщиком.

Он хотел жить ради своих близких. А когда человек подобной закалки говорит: «Я хочу!», это значит — он может.

Оставалась возможность тщательно организованной погони. В ней, несомненно, примут участие самые ловкие следопыты колонии, которые ни за что не упустят возможность продемонстрировать все свои способности.

Ну что же, пусть так! Раз теперь он стал дичью, ему придется сбить охотников со следа. Прежде всего следовало, если получится, направить их поиски в другую сторону.

— Они идут за мной по пятам, — сказал он сам себе. — Конечно же, они решили, что я собираюсь добраться до голландских владений. Не станем их в этом разубеждать, напротив, поддержим в них эту иллюзию. Для этого придется построить плот.

С этими словами он развернулся на девяносто градусов и без промедления направился к реке, шум которой доносился до него с правой стороны.

— Отлично, это грохот перекаатов на Синих Камнях, в километре от них вверх по течению я найду все, что мне нужно.

Двигаясь бесшумно, как краснокожий на тропе войны или во время охоты, он пошел прямо к берегу, до которого было не больше трех четвертей часа ходьбы.

Осуществление подобного плана требовало невероятной ловкости и смелости. Робен знал, что его преследуют. Он также понимал, что погоня пойдет по Марони, либо вниз, либо вверх по течению от Сен-Лорана. Одно из двух: охотники либо уже миновали то место, где он собирался построить плот, либо еще не добрались до него. В первом случае беспокоиться было не о чем, во втором — он сумеет затаиться в прибрежных зарослях и ускользнуть от самого пристального взгляда врага. Что касается более или менее продолжи-

тельного пребывания в воде в компании пресноводных акул, пираний, электрических угрей и скатов-хвостоколов, он даже не думал о таких пустяках, дело привычное.

Беглец не мог знать заранее, какое из двух предположений окажется верным. Но поскольку он не видел и не слышал ничего подозрительного, то без промедления приступил к делу. Отыскать пару длинных тонких стволов трубного дерева, блестящих и гладких, словно серебряные брусья, и свалить их парой ударов мачете было для него делом одной минуты.

Затем он решительно зашел в воду по грудь и оказался в густых зарослях водяного растения из семейства ароидных, называемого здесь «мукумуку» и в изобилии произрастающего по берегам Марони. Эти стебли с красивыми зелеными соцветиями очень легки, срезаются как бузина, но при этом обладают достаточной прочностью. Робен выбрал три десятка подходящих побегов длиной более двух метров каждый, бесшумно их срезал, укоротил верхушки, стараясь не обжечься вытекающим из растений едким соком, и сделал из них настил поверх двух шестов из трубного дерева, напоминающий штaketник для садовой изгороди.

У него получилось что-то вроде платформы примерно двух метров в ширину и в длину, которая отлично держалась на воде, но в действительности не смогла бы нести вес взрослого мужчины. Хотя превосходно подходила к назначенной ей роли.

Покончив с этим, он снял свою каторжную робу и набил ее листьями, придав ей, насколько возможно, вид человека, сидящего на корточках, пристроил в руках чучела толстый стебель с листом, похожий на короткое весло, и вытолкнул импровизированный плот из водяных зарослей.

Начинался прилив, который ощущается даже в восьмидесяти с лишним километрах от устья мощного речного потока. Вода сразу же подхватила плот и медленно повлекла его, кружа, вверх по течению, мало-помалу приближая к голландскому берегу.

— Отлично, — воскликнул беглец. — Я не удивлюсь, если через какие-нибудь четверть часа мои голубчики упустят добычу и погонятся за тенью, то бишь за этим чучелом.

Полагая, что лучший способ спрятаться, что в лесной глуши, что в городе, — это не прятаться вовсе, а выйти на торный путь, Робен без колебаний ступил на тропинку, которой несомненно должны были воспользоваться его преследователи.

Он двигался с бесконечными предосторожностями, принимая невероятные усилия, чтобы не нарушить молчание ночи, оста-

навливаясь время от времени в попытках уловить малейший шум, нехарактерный для океана зарослей.

Ничего!.. Только звук последних капель дождя, падающих на блестящие под лунным светом листья, только таинственное скольжение рептилий в высокой траве, только тихое движение насекомых по стеблям растений и еле слышное хлопанье крыльев промокшей птицы.

Все это время он пробирался под темными сводами лесных великанов, чуть голубоватыми в сиянии луны, сквозь тучи ночных светлячков, прочерчивавших ночную мглу безобидными молниями.

Вскоре он оказался у большой протоки шириной около пятидесяти метров, известной как речка Балете. Он знал, что этот приток Марони встретится на его пути и что ему придется преодолеть его как можно скорее, чтобы между ним и преследователями стало одной преградой больше.

Для такого могучего пловца, как Робен, переплыть эту речушку глубиной всего около пяти метров у устья, не составило бы особого труда.

Но прежде чем войти в воду, он остановился, перевел дух и еще раз внимательно осмотрел берег. И вовремя, поскольку благодаря особой акустике тропической ночи он тут же ясно различил шепот голосов, буквально пригвоздивший его к месту.

— Клянись тебе, это плот.

— Я ничего не вижу.

— Да вон же он, смотри... Прямо напротив нас, в ста метрах от берега. Видишь, темное пятно. А на нем человек. Я отчетливо его вижу.

— Ты прав.

— Это плот, а на нем человек. Точно. Но он поднимается вверх по течению.

— Вот дьявол, сейчас же прилив. Его закружит и выбросит на голландский берег.

— Ну нет, давай без глупостей. Мы что, зря сюда притащились?

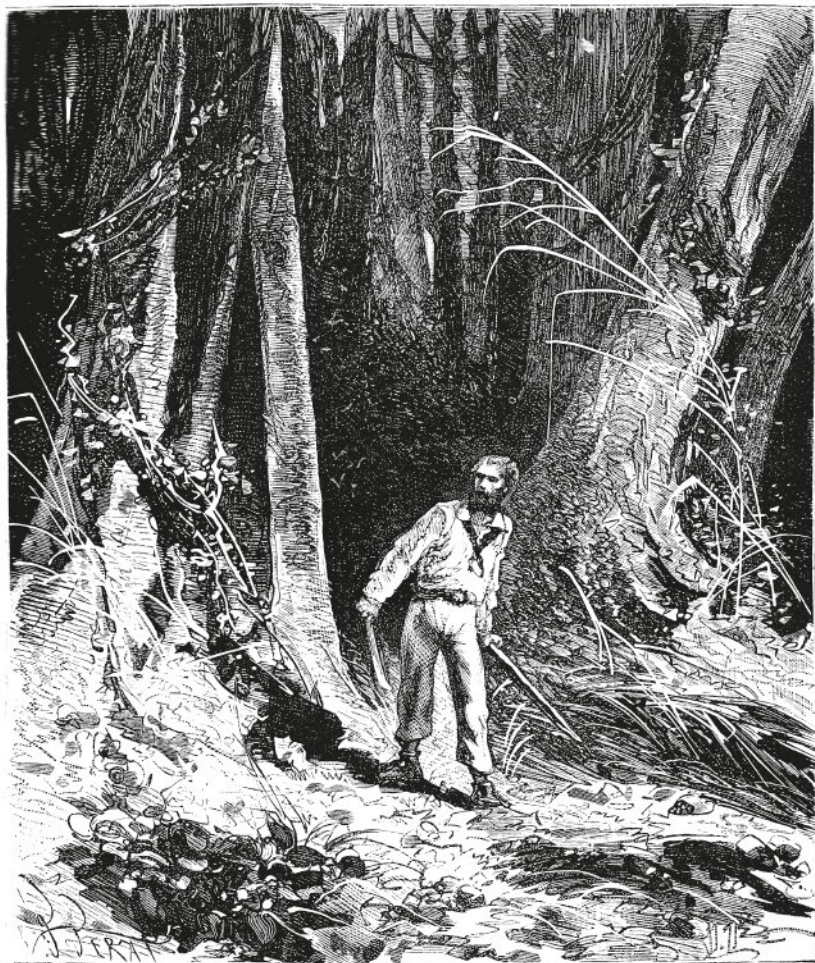
— А что, если я ему прикажу вернуться к нашему берегу?

— Ну ты и бестолочь! Если бы это был простой уголовник, я бы слова не сказал. Такой бы вернулся только из страха схлопотать пулю. Но политический... Никогда!

— Да, твоя правда. Особенно Робен.

— Да, он крепкий парень, нечего сказать.

— Так и есть, но нам надо схватить этого крепыша.

- Был бы здесь Бенуа!
- А, ну да. Бенуа теперь не догнать. Он переправился через протоку на каком-то корыте и теперь черт знает где, ушел далеко вперед.
- Тогда огонь по плоту!
- Какая жалость! Я никогда не имел ничего против Робена, он был лучшим из них, самым смирным.
- Ну да, так всегда и бывает. Бедняга. Ладно, пристрелим его, а аймары закончат работу.
- Огонь!

Буссенар Л.

Б 92 Гвианские робинзоны : роман / Луи Буссенар ; пер. с фр. А. Луцанова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 800 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-24450-4

«Гвианские робинзоны» — одно из самых известных и увлекательных произведений французского писателя Луи Буссенара (1847–1910). Главный герой этой захватывающей истории — беглый узник печально знаменитой тюрьмы Сен-Лоран. Вырвавшись из жестоких тисков «правосудия», Робен попадает в суровые, неизведанные земли Французской Гвианы. По его следам идут неумолимые охотники за беглыми каторжанами, а вокруг — непролазные джунгли, населенные загадочными индейскими племенами... Помимо удивительных приключений роман изобилует описаниями флоры, фауны и экзотических обычаев племен Французской Гвианы, которую автор посетил незадолго до начала работы над рукописью.

Роман публикуется в новом, полном переводе, снабжен обширными комментариями и статьей о путешествии писателя в Южную Америку. Текст сопровождается классическими иллюстрациями Жюля Фера и Ораса Кастелли, а также гравюрами из книг исследователей Гвианы.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ЛУИ БУССЕНАР

ГВИАНСКИЕ РОБИНЗОНЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Елена Трепетова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Наталья Хуторная, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 13.06.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 49. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А, Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А, Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-33428-01-R